

Анна
Кошачит

Путь

АРВЕЙН

18+

Анна Кошалит

Путь в Арвейн

«Автор»

2026

Кошалит А.

Путь в Арвейн / А. Кошалит — «Автор», 2026

Игнии Квинт из Кедрового Лала не повезло родиться пустой в мире магии. Не повезло и с семьёй, возненавидевшей её за это. Не повезло жить суровой деревенской жизнью, шатаясь по дому блеклой тенью, трудиться не покладая рук и проводить дни и ночи в грёзах о несбыточном. Единственным её настоящим желанием было жить как все. Но что, если, едва появится возможность обрести нормальную жизнь, вдруг окажется, что ей этого мало? Что, если она поймёт, что жизнь готовила её к другому и что она способна на большее, о чём и мечтать не смела? Что она выберет: необоснованный риск или спокойную стабильность? Тёмную неизвестность или золотую клетку? Кто она такая на самом деле? Пустышка? Простушка? Джинна? Или...

© Кошалит А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
С чего все началось?	5
Глава 1 Шилейла	6
Глава 2 Джинна	11
Глава 3 Мост Каркаданна	16
Глава 4 Дороже, чем моя жизнь	21
Глава 5 Грязное серебро	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Кошалит

Путь в Арвейн

Пролог

С чего все началось?

Кричали отовсюду. Я прикусила губу, задумчиво глядя на новую точку, появившуюся на карте. Совпадение? Ошибка? Сама ведь знаю, что нет, и всё же смотрю удивлённо, придвигая огненный шар, едва не спалив пергамент. — Ну что, огонёк? — глаза друга блеснули в странном предвкушении. — Решила? На языке растёкся металлический привкус. Я прижала пальцем раненую губу и зашипела от боли. Нужно решать, и решать поскорей. — Горит! — Горит! Выходим! Свернула карту, уложила в мешок, так и не поднимая глаз. Ну же, Игния! Ты столько пережила, неужели всё было зря?! Что ждёт нас дальше? А это шанс! Только набраться смелости, рискнуть... и... Мы оба знаем, что нужно выдвигаться, как и то, что химеру не найти, и эта карта — наш билет в будущее. Нежданное, неизвестное, опасное... к которому мы не готовились и о котором не мечтали, в отличие от тех, кто шёл сюда. Они были подготовлены что надо: мечи, арбалеты, обувь и одежда. А мы?! У нас неудобные мешки, топорик для рубки веток, ржавый кинжал, да последний серебряный... Мы вылезли из палатки. Люди живо собирали припасы, сворачивали одеяла, тушили костры. — Скорее, скорее, загорелось! Просыпайтесь! Арка пылала. Мраморную поверхность облизывали языки кровавого пламени. Кто-то трубил в рог, кто-то уже бежал в сторону леса, упал плашмя в грязь, резко поднялся и понёсся дальше. Идея сдувала с поляны народ прямо в лес, оставляя только матерых лавочников, да и они сворачивали котомки. — Группа Десты, выходим через три минуты! Ждать никого не будут! Шевелитесь, ну же, сонные мухи! — А ты? — я схватила лучшего друга за рукав и развернула к себе. — Что ты решил? — Группа Вито и Себы — к арке! — орал сорванным голосом парень в меховой шубе. — Пойду, но только с тобой. — А если что-то пойдёт не так? Крепкие руки опустились на мои плечи и тепло сжали. — Если что-то пойдёт не так, то я буду рядом с тобой. Груз ответственности сковал ноги. Может, в следующем году попробовать? Карта-то есть... только... Как мы сюда попали? И что было бы, если бы я прошла на базар с главного входа? Снова прокусила губу. А глаза разбегаются в панике. Нечего больше думать! — Выходим. С чего всё началось?! Со сломанных костей? Побега? Падения в грязь? Или ещё раньше? Когда со мной случились те изменения, заставившие ступить в тёмный лес. Когда я решила для себя, что достойна большего. Когда поняла, что не хочу спокойной мирной жизни. И не дам больше никому собой управлять. — Группа Игнии Квинт! — крикнула я и, никого не дожидаясь, обернулась к лесу. — Сюда, скорее! Сомнения развеялись дымом, как только я сделала первый шаг. Оглушающе хрустнули ветки под ногами. Назад пути нет. И всё же — с чего всё началось? С бревна? Или с платья?

Глава 1 Шилейла

7 Аерра Йола

400 год с н.д.

Зима

«Только тело раба принадлежит господину; ум его — самому себе.» Сенека

Погода уверенно ухудшалась. Вчерашний снежный накат и гололедицу, размывало мокрым жгучим снегом с дождем. Ветер хлестал прямо в наши посеревшие от холода лица, кусал кожу и пробирался в прорехи одежды. Правда, сестрица замоталась так, что видны были лишь покрасневшие глаза да сдвинутые к широкой переносице брови. Попона кобылы заметно намочла, мышастая злилась, дёргала головой и прибавляла шаг. Путь в Шилейлу давался нелегко: повсюду грязь, сорванные ветром сучья, зубастые камни, о которые спотыкалась лошадь.

— Давай, пошевеливайся там, — бросила через плечо Нойта.

Я бы хотела быть Джинной. Той самой Джинной, что просыпается после восхода солнца, сладко потягивается на широкой кровати — мягкой, как облако. Не на жёсткой, протёртой до дыр и набитой сеном, а на той, о которой рассказывала Пиона — набитой гусиными перьями.

— Слышь, нет?!

Джинна переворачивается на другой бок, укутывается в одеяло — не тонкое и колючее, от которого всё чешется, а в большое, тяжёлое, хрустящее от свежести. Она досыпает ещё пару минуток.

— Отведи клячу к бабке! И чтоб сразу назад!

Нойта вылезла из телеги, свернула покрывало, утрамбовала его у стенки, а я распрягла кобылу. Повела её вдоль частокола к конюшне. Дунул ветер, такой что дух захватывает. Мы с кобылой переждали порыв и ускорились, пока не налетел новый.

Я бы хотела быть Джинной. Джинна бы в такую погоду сидела у пылающего камина с огромной чашкой взвара со сливками. — Слышь, как воеет? — услышала я, когда мы вошли. Баба в фартуке расставила руки по бокам и покачала головой: — Уж все-то идии проклятые нагнали, чтобы им всем провалиться в Раскол...

Подгнившие доски конюшни откалывались и крошились, подрагивали от порывов ветра, раскачивались и громко стукались, пугая скотину.

— Дак зима на дворе, — возразил мужик в высокой меховой шапке. Он передал бабе вожжи, шмыгнул забитым носом. — Ты его вглубь отведи, покорми. Туда, где потеплей.

— А шас! Разбежался! А своих куда? Ко входу, что ли?! — сварливо фыркнула она, всплеснула руками и повернулась к нам. — О, Ига, ты смотри! Кого только не приносит этот едрёный ветер! Ну что там? Не топчись — веди старушку.

Баба увела мерина мужика, пряча монеты в сумку на поясе. — Ни стыда, ни совести у людей... Вот народ пошёл — гоняют животных без задней мысли, — причитала она, подходя ближе. — Скажешь отцу: один и три до зимнего. Сегодня народу много. И скажи, что о колбасе я ещё помню, — она погрозила мне пальцем, сморщилась, осматривая с головы до пят. — И помнить буду до тех пор, пока не отпустит по нормальной цене. Ига, ты язык проглотила?

— Нет.

— Вот ведь доходяга... Иди, что встала? Дверь придави! Ветрище впустила, чтоб тебя... Баба забрала кобылу и ушла.

Я вернулась к сестре. Нойта подпрыгивала на одной ноге, осматривая базар зорким, недовольным взглядом. Настроение её заметно упало и это откровенно грозило лично мне.

— Где тебя собаки носят? — Серdito хмурясь, она порылась в кошеле, пересчитала медные и ткнула пальцем в перчатке в телегу. — Бери скорей и пошли уже. Вот, неповоротливая! А ну?! Сколько спросила?

— Один и три.

— Вот карга... — протянула старшая и, улыбнувшись своим мыслям, добавила: — Ничего! Мы ей в зимний устроим. Чего встала?! Тащи, говорю! Что папа велел, не припомнишь?

— Тыквы на пироги, лука, зелени, трёх кроликов. Пару мешков свёклы.

Сестра хмыкнула и поплелась на базар. Обычно, если оставался излишек, брала себе и брату по сладкому кренделю. Но, видимо, на этот раз не хватит — и это невероятно злило её.

Среди рядов шатров и телег, нагруженных товарами и прикрытых мешковиной, шатались редкие покупатели, ворча что здесь хоть шаром покати. Продавцов, которые обычно приезжали задолго до рассвета, чтобы занять самые выгодные места было и того меньше.

Рядом с покосившейся постройкой — самой высокой в Шилейле, служившей постоянным двором — пристроилась кузница, собранная из свежих досок. Напротив, самые оживленные места.

— Вот ещё, смотри, стоит. Зелейница хренова, — буркнула Нойта, кивнув в сторону лавки.

Я опустила телегу и глянула в сторону. Рядом с лавкой бакалейщика на раскладном столе под навесом, были аккуратно расставлены стеклянные бутылки с масляными настоями, разложены пучки сушёных трав, и примяты горькой листья полыни — «от дурного глаза».

Семья уже успела убедиться, что дело у девушки шло вовсе не от её крепительных настоек и отнюдь не от ядов или приворотов, о которых ходили слухи и только. Зелейница прятала под холщевой скатертью бочонок меда и горшок варенья. А порой, что особенно выводило брата из себя, она привозила вяленого мяса и колбас.

— Иди спроси, что почём, — велела Нойта.

Я подошла.

— Сколько за грибы и варенье?

Деревянные браслеты зелейницы перебирали завораживающим стуком, пока она лениво опиралась на стол.

— Шла бы ты... по-хорошему, — она не добро осклабилась: — Думаешь, не знаю, чья ты, пустышка?

Я растерянно отступила, чуть не напоровшись на овощника. Нойта уже успела с ним переговорить, и он, гаркнув что-то невнятное, полез за заказом. От предупредительного прищуря зелейницы плечи напугано поползли вверх, и я поспешила отвернуться.

— Что говорит? — Нойта не подымая головы глядела в мешок, на подгнившие овощи. Стянула зубами перчатку, покрутила корнеплод перед глазами и хмыкнула.

— Что нам не продаст, — буркнула я.

— Тебе не продаст, — сестра закинула свеклу обратно в мешок и сунула его мне. — Ты нас с собой не сравнивай. Ну да ладно. Мы ещё свидимся.

Она коротко вздохнула, оглядела прилавок. — Бери всё вот это и положи так, чтобы не рассыпалось. Всё то тебя учить надо...

Овощник притащил еще мешков, сгрузил прямо под ноги и скрестил руки на груди.

— Это не возьму, — сказала Нойта, вынимая мягкие, рыхлые свеклы и складывая их обратно на прилавок.

— Пелей две недели назад просил. Не возьмешь, скажи ему, что больше возить не буду.

— Так подгнили, на что мне такие?

— Раньше надо было приходить.

— За две недели не прогнили бы, — фыркнула она. — За пол цены возьму, голубчик, не дороже.

Овощник сгорбился подергал усами. Нойта не сводила с него не мигающих глаз. Взгляд у сестры был прямой и свирепый, не каждый способен устоять перед таким.

Вот и овощник не сумел. Под звуки неразборчивого бурчания и сдержанной брани мы всё же нагрузили телегу мешками с неплохой свёклой — по полцены.

Нойта подкинула на ладони оставшиеся медяки, поймала обоих со звоном в полете. Хватит на крендель, но только на один. Она обязательно разломит его пополам и отдаст брату: одна она никогда не ест. И никогда не возвращается без сдачи, может и не всё скупит, но медяк, другой, а матери отнесёт, не забудет. Сегодня медный и остался. И всегда идет поглядеть товар у портного из Силисия — так уж повелось. Но только мимоходом и якобы случайно, да одним глазком, пусть и ставит он свою лавку неизменно у главного входа на базар. Там дальше ничего и нет. А я, пока сестра у портного забираю лошадь, запрягаю телегу и увожу на дорогу.

— Огненная наша, — ухмылялся портной, подмечая Нойту издали. Хоть и знает, не всегда от нее выгода идет. А все топчется, круги вытанцовывает. — Говорят, к удаче повстречать такую в пасмурный д... д... денёк.

— Тебе чего? — фыркнула Нойта, краем глаза всё-таки разглядывая ткани.

Продавец возил товар из Силисия. Приезжал он только к праздникам. И то возил не густо. Бывали тут и холщовые рубахи, да шерстяные накидки, домотканые полотна, бывало — привозное сукно из Дирка, дорогое и яркое, он прятал его в пузатых сундуках в самой глубине лавки. Иногда попадались меховые воротники или крашенная пряжа. Но всего понемногу, — в Шилейле он сбывал все то чего не продал в городе. А на праздник уезжал скорей обратно, там у него хранился основной товар, новый. Там у него и мастерская с белошвейками и два сына, которые всем этим управляют.

— Иди что п... п... покажу. — позвал он Нойту.

Мне стало любопытно и холодно — стоять без дела и я тоже подошла чуть ближе. Но мужик рывкнул чтобы я ближе не подходила, и я осталась на дороге. Отсюда тоже было недурно видно, как он вытащил маленький короб, поковырял ржавым гвоздем замочную скважину, откинул крышку, развернул бурую тряпицу и на глаза показалась розоватая ткань, воздушная как дым.

— Что это такое? — заворожено спросила сестра, пока продавец разворачивал ткань во всю длину.

— Платье, дурёха. Гляди — розовое, аки закат.

Нойта облизала губы, вытерла липкую руку о полные грудь и живот и потянулась потрогать.

— Не, не, не, — продавец дернул платье на себя, ткань взметнулась, полыхнула в свете лампы. Широкое платье, как раз её размера. — Без этих твоих. Подивись и будет.

— Сколько? — будничным тоном поинтересовалась сестра.

Мужичок неторопливо сложил платье, завернул в тряпицу и едко улыбнулся.

— Семь да в... в.... во... семь да восемь.

— Да ты рехнулся небось!

— Так не по твою душу красная, ты иди ковыряй колбаску, — продавец ядовито ухмыльнулся и дернул бровями закрывая замок на коробе. — А на это чудо я невесту найду побогаче.

Он дернул крышку убеждаясь, что она надёжно заперта и только тут заметил, как у Нойты дрогнули опущенные плечи.

— Ну что пригорюнилась, — спохватился он, сцепил руки на груди, распцепил, погладил меховую оторочку силиского кунтуша. — Ну ляпнул, ну б... б... бывает.

Он достал тряпицу, подал всхлипнувшей Нойте, положил маленькую ладошку на покатое плечо девушки.

— Ну, вытри нос, Нойтушка. Куда тебе?.. Приедет твой мальчишка — авось выпросишь! Где он у тебя там?

— В Дирке. — разрыдалась Нойта.

— А ну вот, не да... да... да...леко значит. Всего-то пара дней пути. Эх ты! Была б ты моя я б тебе и платье и шубку и сапожки достал. — он приобнял сестру зло зыркнув на меня. — Не пожалел бы и золотого! Да ты замуж бежишь, а как за такой угнаться?! Ну все. Это... Ты только гляди: я в Селисий уеду через неделю, поторапливай думу. Отца спроси не забудь, — он ласково вытолкнул её из лавки, а я отошла подальше.

— И это... — уже тише добавил силиец, глянув в мою сторону. — Эту вшивоту сюда не води. А то потом люди т... т... товар боятся брать. Ну и славно. Беги-беги, пока не простудилась.

Путь в кедровый ничуть не легче. Тучи рассеялись, ветер в спину гонит, да и вниз с горки в разы быстрее, но я еле ковыляла, душу словно помоями облили. Торопилась кобыла в мокрой попоне, торопилась Нойта в теплый дом, торопились кролики, не подозревающие худшего. Одна я еле передвигала ноги, под тяжестью мешка и пока сестрица глядела на дорогу, схватилась окостенелыми пальцами за оглобли, стараясь не сильно нависать, чтобы серая не сворачивала.

Красавицей я не была; щеки впалые, глаза выпученные, зубы пожелтевшие от налета, кожа сухая и покрасневшая, губы потрескались до крови, руки грубые, деревенские. Телосложение мое худое, но жилистое, как у мальчишки. Грудь маленькая и под мешковиной не видна. Только волосы были моей гордостью. Такие же как у матери и Хельги нашей старшей сестры. Темно рыжие, густые и блестящие. Я заплетала их в косу и сворачивала под косынку, от чего она топорщилась аки вторая голова на затылке. Открывать голову запрещали. Отец как-то сказал: волосы мой билет в возможный брак. Варн тогда долго, зло смеялся, а потом и вовсе рассердился на отца, что кормит меня пустыми, как и я сама надеждами. Оттого и особо обидно стало за "вшивую".

Волосы были красивыми огненными, длинными.

Глава 2 Джинна

Я посмотрела на окно. Оно здесь было совсем крошечным, под самой крышей, но это не мешало ему пропускать сырость и холод на наш затхлый чердак. Конечно, сыро и холодно было только мне, и, как говорит бабка лишь оттого, что я такая доходяга костлявая. Я с ней не спорила. Чревато.

Ей, угретой у маленькой печки близ входной двери, на толстом матрасе, под плотным шерстяным одеялом было вполне себе уютно. А я каждое утро проклинала это маленькое, круглое оконце надо мной, тонкое сукно коим порадовал меня отец отобрав шерстяное, и колкий кушак, набитый соломой. На нем я и пошевелиться не могла, чтобы не разбудить старуху.

Проснётся она в третьем биении и начнёт бубнить какая же я ленивая. Бабка давненько выжила из ума, и говорит в основном белиберду, но на меня реагирует враждебно и, к сожалению, внятно. Если повернуться, хрустнуть соломой или скрипнуть кушаком можно разбудить её ненароком. Тогда, она начнёт орать. И этот ор перебудит весь дом.

Поэтому я просто смотрю на окно, пересчитываю стропила, или разглядываю пятно света на скате, пока не услышу глухой удар часовой башни. До тех пор время есть, и я представляю, что я Джинна. Джинна бы жила совсем одна в своём большом доме, у неё было бы много-много настоящих восковых свечей со специальными поставками, как те, которые продают семья Цихолитов. А ещё у неё бы была магия и она бы могла запросто разогнать любую темень перед глазами одним щелчком пальцев.

Послышалось биение, я вскочила на ноги так быстро, как только смогла своим окоченевшем телом. Руки затекли, спину ломит, а ноги словно налиты свинцом после тяжёлого дня. Но шевелиться нужно побыстрее, быть порасторопней, ведь чужую ложку в рот тяну, а своей не нажила.

— Надо же, — прохрипела бабка. — Как быстро кончилась ночь. Я подлетела к тлеющему углю в печи, подошла щепку и зажгла ею фитиль сальной свечи. Залопались искры, взметнулась чёрная струйка дыма. — Если бы хоть что-то умела, я уж подумала, что это ты устроила холод этот, чтоб его кошки подрали. Бабка растирала затёкшие ноги, уныло рассматривая их. Толстые, набухшие в жуткой сети сиреневых вен. Потом обернулась ко мне, и взгляд стал мутным. — Совсем исхудала. Так не пойдёт. Людям в глаза смотреть не совестно? — Извините, — еле слышно выдавила я. Горло саднило который день, и говорить было больно. — На что мне твои извинения? Ты перед отцом и матерью ответ держи. Моё дело — предупредить. Сама знаешь, ругать тебя будут, горемычную.

Будут. Не за то, так за это. Я оставила лампу на тумбе, набросила на плечи платок и рванула вон. День начался как нельзя удачно, раз бабку раньше времени не разбудила. Плевать на всё — я была Джинной.

Забросила в печь поленьев, раздула огонь, пока дом не выстыл окончательно, схватила корзинку, ушат — и выскочила во двор. Мороз щипал в носу и колол щеки. Хоб — дымчатый волкодав — шевельнул ухом на звук моих шагов по ступеням, но головы, под шапкой снега, не поднял. Редкостная семейная гордость: настоящий фамилиар. Стукнул ему одиннадцатый год, а выглядел он здорово и бодро, как годовалый, и проживёт, по подсчётам храмовников, ещё лет пятьдесят, не меньше. Единственным его недостатком считалось его полное подчинение моей никудышной персоне, что крайне раздражало брата, чьим фамилиаром и являлась эта огромная псина.

Джинна тоже встала, надела мягкую обувь, открыла тяжёлые занавески и улыбнулась новому дню. А вставала она в четвёртом биении, не раньше. Я покопошилась в курятнике, достала яйца и подлетела к бочке у входа. Быть на морозе — занятие не из приятных. К разорванным лаптям налип снег и подтаял, намочив шерстяной чулок. Поколола лёд, вода плес-

нула и забрызгала передник, но мне было всё равно — Джинна на такие вещи внимания не обращает. Я набрала ушат воды, прихватила заиндевевших поленьев из пристенного дровяника, подняла корзинку с пола, стараясь не вылить воду в другой руке. Верхнее полено упало, откатилось, но я спешила. Игния подберёт, когда опять выгонят на улицу. Судя по гадкой погоде, сегодня пошлют стирать. А я была Джинной, и осталось мне чуть меньше получаса.

Джинна неспешно спускалась по каменной лестнице, приветствуя своих верных слуг, которые все были её добрыми друзьями и часто помогали советами и поддержкой.

Игния сбежала обратно с мороза в остывший дом. Молоко, яйца, муку да мёда ложку размешала быстро-быстро, стала жарить. На столе появилась банка яблочного варенья, сметана, деревянные тарелки и ложки. Пока я металась раненым мотыльком по кухне, доставая съестное на завтрак, пока нервно мешала кашу на молоке, надеясь, что она не подгорит, Джинна входила в специальную комнату, где на чистую узорчатую скатерть уже поставили завтрак со сладким ежевичным соком и огромными горячими булочками. А ещё поставили ей сливочного масла в красивом блюде, накрытом расписной крышкой. Пока я нарезала хлеб, Джинна открывала книгу, чтобы почитать прямо во время трапезы — потому что она делала, что хотела, и ещё потому, что у неё было несчитанное количество этих самых книг и времени. Пока я разносила тёплую воду по комнатам и разжигала лампы, Джинна промокала специальной тряпицей губы и благодарила поваров за такое утреннее угощение. Она говорила им, что они превзошли самих себя, — пока в меня бросали жестокие реплики о моём нежеланном появлении в их комнате и на этом свете в том числе. Пока я спускала корзину с грязным бельём к двери, Джинна шла принимать горячую ванну с ароматными маслами самых красивых цветов в Шелховете. Там я оставляю её роскошные, пышные формы отмокать в горячей, почти обжигающей воде — и вот я снова я. По крайней мере, до полудня.

— Поздно ты сегодня. — плотная женщина спускалась медленно, чуть покачиваясь спрессованная. Крепко держалась за перила, останавливалась, осматривалась и снова опускала ногу отдающую хрустом в суставе на каждом шагу. — дом продрог, а тебе хоть бы хны.

— Доброе утро мама. — поздоровалась я. — сегодня похолодало, оттого не натопилось ещё.

— Поотвечай мне тут!

Завтрак тек своим чередом под звуки смачного чавканья, треска горящих палений и мерного обсуждения планов на день. Не имея привычки протирать штаны за завтраком ем я удивительно быстро, и как только доедаю свой отложенный заранее кусок краюхи с маслом, начинаю живо собирать на обед. Сегодняшние блины с рублеными яйцами и чесноком, заворачиваю в платок и укладываю в устланную тёплым одеялом корзинку, туда же отправляется закупоренный бутыль горячего молока. После этого убираю посуду и начинаю ее ополаскивать в тазу с ледяной водой, потому что, если не успею полетит ругань, подзатыльник от брата, или тряпкой мокройогреют, а у меня день сегодня хороший, между прочим.

Но все хорошее, когда-нибудь кончается, потому что в дверь заколотили бойким кулаком.

— Сядь Игния. — Приказал отец.

Я нырнула за стол, сложила руки на коленях и опустила смиренный взгляд, а он поднялся открывать.

— Кого это в такую рань принесло? — Нойта покосилась на маму, прищипила торчащую прядь волос морковного цвета. В ответ мама пожала покатыми плечами и быстрым зорким взором окинула стол. — Ты! — кивнула мне. — где твоя посуда?

— Я все прибрала. — отчиталась негромко но четко.

— Совсем отмороженная? — рявкнул брат. — Неси сюда!

В дом вошла старушка, сняла тяжелую доху, сапоги подчистила, размотала голову.

— Поздно. Сиди. — мама растянула губы в приветливой улыбке и поднялась. — Пиона, дорогуша, какими судьбами, да в такую рань?

— Рань то она рань. — Пиона ввалилась на кухню и опустила костлявой зад на скамью рядом со входом. — Меня как Бут растарабанил я прямиком сюда и помчалась. Едет душенька, едет.

— Кто едет то?

— Да больно ты не знаешь кому ехать. — голос Пионы был скрипуч, а рот беззуб. Да и выглядела она мертвенно бледной и ослабленной, а все таскалась по дворам. — Лорд наш едет, встречать его надобно, а с ним и деуки твоей паренёк.

— Как так?! — ахнула мать и покачала головой — Рано едет!

— Отличникоу небось везет оттого и рано едет. Отдыхать удумали. А Оли с ними и подбил, вот и приехал скорей изуестить шоб встречать его вышли.

— Так приехал? — старшая вскочила как ужаленная. — Приехал? Когда же?

— А ну сядь, — осек ее брат. — таким напором и волков спугнешь. Чего не понятного? Выехал заранее предупредить чтоб лорда встречали. Ты от этой тупости нахватаешься?!

Нойта глянула в мою сторону, покраснела и сникла.

Я неловко сжалась. Событие большое, начало праздников и Олиан наконец вернулся. Только в этот раз я больше никого не увижу.

Ну и ладно. На лошадок я таки гляну. Издали.

Раз в год на зимние каникулы наш земельный лорд приглашает к себе гостей. Путь их далёк, останавливаются они на ночь в Шилейле и уже сегодня вечером наконец доберутся до огромной чёрной усадьбы нашего лорда.

Пиона переведя дух, пересела к столу рядом со мной. Я поймала суровый взгляд матери и взметнулась за тарелкой и кружкой для соседки.

— Ты родимая деочку не мучь. — начала Пиона причитания — Пускай идёт с уами, а то ходит молва будто ты её в рабство готоуишь. Да и Олька подберет ежели увидит, что вы её не дерете и не шпыняете по чем зря. Тем паче деука уас рукастая авось кому приглянется...

— Я наверх! — Нойта взметнулась на ноги. — И нет бабуленька, ей там делать нечего.

Не любит она когда меня жалеют, знает, что плохо кончится. Она помчалась наряжаться, подальше от грядущей ругани, а старушка макнула хлеба в кашу, испробовала и продолжила:

— Чего это нечего?!

— Не лезь в это. — предупредил соседку брат.

— В самом то деле, — кусок хлеба с кашей отправился в беззубый рот. Старушка пожевала, пошамкала губами, смотря с укором исключительно на отца. — Ну как это нечего? Уся деревня соберется, а ты свою в избе схоронишь?

— Мам! — крикнула Нойта со ступеней. — Я твой плащ беру?

— Бери!

Нойта громкой поступью умчалась на верх оставив брата разбираться самому.

— А что её на равных со всеми нами ставить? — Варн враждебно отбросил ложку, призывая старуху к вниманию. — Мало ей дома? Семьи? Ей чужую жизнь подавай? Этой гнили, — он указал на меня пальцем и им же постучал по столу. — место на рабочих землях.

— Не барагозь сынок, она ж молоденькая, а все у дома околачивается. Не дело это, не по-человечески.

— Луиза тебе какой платок? — окликнула младшую Нойта. — красный цветастый или серый вязаный?

— Хочет по-человечески, хай собирает манатки и уматывает к порталу, — рявкнул брат, будто мне и в правду позволили бы это сделать. — А хочет остаться, пусть живет по правилам. Спасибо пусть скажет, что не меченая!

Благодарность ошпарила щеки, я уронила взгляд на руки, желая чтобы этот разговор поскорее закончился, к тому же собравшиеся глядели на меня в упор и это внимание давило к земле, вынуждая горбиться и выглядеть еще более жалкой чем обычно.

— Красный носи. — Вдруг мягко ответила сестре наверху Луиза а мне ласково улыбнулась. — Ига, заплети меня с плеча на плечо как вчера.

— Да заткнитесь вы! — брат гневно ударил по столу. Ложка, недавно отброшенная им, подпрыгнула на месте разделяя сие негодование хозяина.

— Меченая? — румяные с мороза щеки соседки покраснели от возмущения. — Мыж ее с пеленок знаем! никто и слова не молчит...

— Знаю я как вы и слова не молвите, - взревел Варн. - весь кедровый с Шилейлой нас высмеивают. Придут за ней, дело времени. А пока хай из дома зазря нос не высовывает.

— На людей бы глянула...

— Я сказал нет, старуха! Или ты оглохла в концы?

— Гоуорить будешь как отец помрет! — воскликнула старушка, трясаясь в старческом возмущении, губы поджала, ноздри раздула глядя сердито на брата. Мне лично от такого взгляда стало весьма неуютно. Хотя не помню, когда мне в последний раз примерещилось это чувство...

— Ишь ты, - взъярилась соседка. - уозомнил себя главой семьи! Перья распушил, петух недорезанный! Таких как ты да на суп! Негодник!

— Пиона! — вскочила мать, и обратилась к отцу — Пелей, чего молчишь?

Брат умолк, а старушка все не спускала с него гневных блеклых очей.

— Нечего ей вертеться, средь честного народа. — поддержал брата наш отец. — Дома пусть сидит дармоедка пустая. Еще захворает, а лечить ее чем?

— И дорого. Она того не стоит. — Луиза не повышала голоса. Никогда. Она знала, что ее всегда расслышат, а нет переспросят. Старушка глянула на младшую и пригорюнилась, печально прикрыла глаза, качнула головой.

— Ну как вам? — Нойта сошла вниз, пахла она приятно: хвойным лесом и шишками, серый плащ на ней расшит металлическим фигурками и серебристыми цветами.

— Невеста. — похвалила мама, радуясь, что ссору было прервали. — Пионушка, милая, не серчай, погляди лучше на нашу Нойтушку. Что скажешь?

Я заплела старшую сестру, ловко уложила косу в корону. Мать в расстройстве ушла к окну и печально мяла занавесь глядя на соседку. Соседку она уважала, впрочем, скорее все таки опасалась ненужных сплетен.

— Пелей. — укоризненно позвала старуха моего отца, было заметно, что это ее последняя попытка воззвать к его совести, после чего она и дорогу в наш дом забудет. Отец поджал губы, глянул на мать, на брата.

— Оденься Ига, пойдешь на хвосте.

Не сразу поверив своим ушам, я несколько мгновений смотрела на него не моргая, а потом вдруг вскочила и помчалась за платком.

Скорее! Нужно спрятать волосы! Неужто и правда разрешил?!

Молнией проскочила лестницу, ввалилась в коморку, схватила уродливую, растянутую и тонкую тряпку. Наскоро замотала ею голову, глянула в маленькое зеркальце у умывальника. Щеки порозовели, в глазах веселые искорки. Приложила свой гребень к губам — на удачу, и поспешила назад. Спускалась я как можно тише, чтобы никого не смутить своей неуместной радостью. Потопталась смиренной тенью у порога ожидая остальных и замерла наблюдая за тем, как со вздохом встает отец из-за стола и коситься на меня укоризненно.

— Шаль ей дай, нормальную. Нойта.

Скрепя сердце, сестра вручила мне свою тёплую тяжелую шаль. Мама намотала ее мне на голову, так чтобы до бровей достала, и шея потолще казалась, да волосы крепко сжаты — они у меня этакое уродца в семье отчего-то шибко хороши. Нойта смотрела на все это дело краснея от возмущения, переглядываясь то и дело с братом и Луизой, но перечить отцу не стала.

После того как остальные принарядились, надели развесистые головные уборы и украсились к празднику, мать снова подошла к окну, да как вскрикнет:

— Бегом! Все уже выходят!

Нойта вскочила, торопливо одернула одежду и взметнула рукой убеждаясь, что не послушные курчавые пряди крепко заплетены, затем кивнула матери и младшей сестре. Пора.

Пиона тоже встала, взяла свою клюку, пригрозила ей брату и так качая головой, проигнорировав Луизу вышла в сени.

Нойта обулась и вылетела во двор. И тут радость моя мимолетная оборвалась и рухнула в глубокую прорубь страха и темноты.

С улицы раздался дикий девичий вопль, а за ним и звук сильных ударов. Это Нойта полетела кувырком со ступеней во двор. Мама выбежала следом, а я за ней. Сестра лежала на снегу распластавшись на брюхе и протяжно воя.

— Нога. — рыдала она, и шипя от боли и злости вцепилась в край юбки.

— Бревно Ига! — вскричала мать. — Иди сюда гадюка! Гляди, что с сестрой натворила!

— Она все подстроила. — услышала я за спиной голос брата и в ужасе обернулась. В его глазах вспыхнул не гнев, а нечто страшнее – угроза.

Внутри всё похолодело.

Я отступила, но лед под ногами предательски скользкий, я поскользнулась и ударилась спиной о косяк. Брат схватил меня за плечо шагнул ближе. Стальные пальцы вонзились в кожу через тонкую ткань, сжимая так, что я невольно сжала зубы. Его лицо оказалось совсем близко, ноздри раздулись, а голос стал тихим, пропитанным ненавистью.

— Я тебя сейчас убью.

Я почувствовала, как его пальцы сжались ещё сильнее, с ужасом осознавая, что он хотел сломать мне руку, но отпрянул, отошел, схватил бревно с земли и бросил прочь. А потом метнул безумный взгляд на старушку в дверях.

— Ну как вам?! Можно эту тварь к людям пускать?

Глава 3 Мост Каркаданна

С дорожки, ведущей к мосту, доносился многочисленный хруст шагов. Я прижалась к тёплой дымовой трубе, выглядывая дальше, на дорогу, по которой пробирались люди. Свет восходящего солнца усыпал искристый наст, ложился недоверчиво на еловые макушки, протупывал синие тени меж ветвей и прорисовывал деревеньку.

Жаль, что все так вышло. С недавних пор меня все реже и реже выпускали из дому. Только с сестрой, да стирать. Если бы утром я не витала в облаках, не поленилась бы, да подобрала бревно, то наслаждалась началом Зимнего Празднества Скадирны, на равне с осталь-

ными обитателями Кедрового Лала. Но, ничего уж не изменить и придется мне смотреть на праздник с оледенелой тесовой крыши дома.

Мост длинной в двадцать шагов, полукруглый из темного, старого камня вел по ту сторону реки, разделяющей борочеев лес на двое. У подножия моста собирались заспанные жители Кедрового, зевали и кутались поглубже в теплые тулупы, шубы да плащи.

На головах незамужних дев раскинулись ветвистые рога оленей, расшитые у основания бусами и красными цветами. Отцы, которым повезло иметь сыновей, надевали длинные, до самой земли ворсистые кожанки наизнанку, с накладными широкими плечами и укрывали лица звериными, деревянными масками. Сегодня они будут петь.

Скоро по нашей узкой дорожке проедет витиеватый возок нашего лорда, запряженный крупными тяжеловозами каких можно увидеть только один раз в год. Сердце колотилось в трепетном предвкушении.

Нойта роптала, хромала, но упрямо шла к мосту, опершись о руку брата. Тот то и дело оборачивался к дому выглядывая меня в занавешенных окнах. Ему бы волю, меня и вовсе заперли бы в подсобке и выводили не во двор, а в дом. Я сглотнула подкативший к саднящему горлу едкий страх, подозревая что все еще впереди.

Волкодав бежал в припрыжку вперед хозяина, с интересом разглядывая деревенских своими золотистыми глазами. Подбежал к Олиану стоящему рядом со своим отцом – старостой нашей деревни, к его тетке и ее многочисленным детям. Хоб обнюхал каждого, одобрил, смачно чихнув, и умчался к Варну. Я не сдержала улыбки.

Так повелось, что на зимние праздники лорд ежегодно приглашает к себе гостей и требует встречать его долгожданный приезд ликующими криками, поклонами, да лестью. Так было и во времена его отца и прадеда и считалось за открытие зимних праздников.

Дорога из Силисия до усадьбы на прямик, занимала не больше одного дня. Но земельные лорды, исстари любили показывать гостям наши чудесные, живописные окрестности, наполненные ароматами сосны и дымка. Поэтому едут они кружным путём — через Шилейлу и Кедровый Лал. И дорога их растягивается вдвое.

Сквозь подвывающий ветер, невнятный говор, да лай собак, все четче слышался звон бубенцов и топот копыт. Минутой позже из-за поворота выбежали массивные вороны. За ними показался просторный возок на шесть персон с пятеркой высоких, застекленных окон с каждого боку и узорчатыми панелями. На крыше повозки герб нашего лорда: в червленом поле железный вран, под ним оконечность из зубца крепостной стены.

Послышался нестройный мужской хор, прорезанный тонким голосом Луизы. Она пела о белой лани, бегущей сквозь слепящую пургу, о приближающихся охотниках и стреле, что вот-вот пронзит её сердце и пробудит ярость Марены.

А на мосту выросло чудище.

Бут Вальдис с сыном наколдовали настоящего огненного каркаданны — величиной в два человеческих роста. Зрелище задумывалось настолько ошеломляющим, что на мост в этом году вывели даже глубокого старика и несмышленных малышей. И староста не подвел их.

Каркаданны рыл снег раскалённым, массивным копытом, пуская облака жгучего пара из ноздрей и воинственно мотал однорогой головой, преграждая дальнейший ход путникам.

В прошлом году Олиан наколдовал двух мостовых троллей — удивительных, гигантских, с каменными дубинами и бестолковыми рожами. Но каркаданны пробирал до мурашек.

Послышалось требовательное «Бр-р!» и возок затормозил, осыпая снегом собравшихся. Он остановился напротив готового к бою чудища и гости начали неохотно вылезать на мороз.

Наш лорд, важный, высокий, прошествовал к старосте.

Поверх суконного плотного сюрко, лорда Вестмора опоясывал широкий кожаный ремень в три оборота, с медной пряжкой, из которой спускалась тонкая цепочка с гербовым медальоном.

Через грудь наискось спускалась кожаная портупья, на плечах длиннополый плащ, серый волчий ворот которого, густой, с длинным остевым мехом, взволнованно колыхался от порывов ледяного ветра.

На руках лорда — толстые кожаные перчатки, на ногах — высокие сапоги с высокой же и крепкой подошвой, подбитые мехом изнутри. Мороз обтекал его, не смея тревожить.

Отец Олиана — Бут Вальдис поприветствовал его снятием меховой черно-бурой шапки и низким поклоном, за ним последовали и все остальные жители деревни.

Нарядные гости безглаголиво оглядывали окрестности, и морщась отодвигались от деревенских. Прижимаясь, друг к другу они мечтали поскорее покончить с прогулкой. На тварь эта четверка отличников глядела с неприкрытой опаской. Мне было интересно — какой была их жизнь, как они попали сюда, так далеко от своих крепких, каменных чертог. Наверняка они обучались в высоченном, неприступном замке им подавали и за ними убирали и жизнь их лилась неизменным ключом удобства и покоя.

Покатила ежегодная поочередность действий: Обмен парой предпраздничных реплик, похлопыванье старосты по спине, восторг девушек, собравшихся поближе к лорду, и мило давящихся смехом.

Гости неохотно любопытствовали об особенностях местной культуры, мохноногие кони шарахались от огненной иллюзии, извозчик просил поторапливаться и пытался безрезультатно успокоить скотину.

Одна лишь Луиза — предводительница, к слову, той самой кучки мечтательниц, что беззастенчиво пожирала глазами нашего земельного лорда и не менее в этих краях знаменитого Олиана — смотрела в сторону отстраненно и надменно, но, тем не менее, стоило вниманию к ее персоне чуть затянуться, на славном фарфоровом личике проскальзывал едва заметный интерес, как искра в стогу сена.

Обычно сразу после этого младшенькая, взмахнув ресницами, переводила взгляд куда угодно — на любой звук или движение, тем самым вынуждая смотреть на неё ещё внимательнее, для начала как на невинное создание, столь безжалостно отвлечённое от собственной драгоценной персоны.

Это захватывало внимание. А вкупе с замешательством и неизбежной оценкой её достоинств — длинной шеи, гладкой кожи и густых, как вороны крылья, ресниц — не могло не восхищать.

Луиза уже в свои четырнадцать была самой настоящей красавицей. Вдобавок она подавала огромные надежды и в плане высокого третьего уровня магии, тогда как у матери первый, а у отца второй. Говорят свой дар сестричка получила по наследству от нашего прадеда — человека из весьма благородного, известного рода Квинт.

Мы одни в кедровом обладатели столь почтенного ряда родственников, нежелающего, впрочем, иметь с нами никаких дел.

Единственное, чем природа обделила мою зеленоглазую, в мать, сестру — это волосами, которые пушились и топорщились во все стороны оранжевой метелкой.

Вспыхнули огни на балюстраде, Каркаданн почтенно склонился, отошел пропуская путников и лорд велел отправляться дальше. Экипаж покати по талому снегу, оставляя на память черные борозды, и народ, наболтавшись вдоволь, в полной мере взбодренный морозом и лордом, постепенно стал расходиться. Гасли огни на мосту, и огненное чудовище тухло, оставляя уродливые лужи на снегу. Захныкал голодный ребенок, загорался день.

Одна только мама осталась стоять на дороге, махала руками чтобы шли без нее и все смотрела вдаль в сторону кареты вытирая невидимую слезу.

Отец хотел было остаться с ней, но она ему что-то сказала такое, что он попятился и закивал, а потом пожал плечами, махнул на нее рукой, плюнул и пошел домой.

Я тоже глядела вслед удаляющейся процессии, представляя, что я Джинна, и сейчас меня увезут далеко, далеко и до следующего года я и не вспомню об этом месте.

В доме слышалась ругань, и образ Джинны, утопающей в мехах, смотрящий мирно из стеклянного окна повозки, растаял так же, как растаял каркаданный лёд в грязной луже на мосту.

Нойта звала меня. Я набрала в лёгкие побольше воздуха, задержала на мгновение, а потом резко выдохнула. Карабкаясь вниз, в последний раз оглянулась на мост. Мамы там больше не было.

— Ига! – орала сестра. — Где её собаки носят?!

Я соскользнула с крыши, но в последний момент ухватила карниз. Кожа на ладони разошлась, но падать было бы больней. Слезла и побежала в дом.

— Подглядывала? — застал меня врасплох резкий голос отца во дворе. Я кивнула.

Не заходя в дом, он уже запрягал кобылу к отъезду.

— Вы, бабы, совсем умом брякнулись. — Он отвернулся, словно я ему больше неинтересна. — Иди, тебя Нойта кличет, надрывается.

В сенях я стряхнула с себя снег, стянула верхнюю одежду и прошла на кухню.

Нойта уселась в отцовское кресло, кривилась от боли, и кусала губу. Нога ее вздулась, покраснела, как фасоль в бадье.

— Надо ж тебе было перетянуться с вывихом! — ругал ее Варн. — Твой Олиан и так придет, — отец позвал их завтра к ужину, вот ведь безмозглая бабья натура! Что ты забыла на мосту?!

Луиза, потопталась на месте, покосилась на меня у лестницы и тихо молвила:

— Приведу лекаря, — вздохнула и ушла.

— Где Ига?! — завопила Нойта снова и зарычала, не найдя для ноги того положения в котором она перестала бы ее так тревожить.

— Тут я.

Мой голос подействовал на сестру крайне оживляюще – она даже выпрямилась.

— Слушай меня внимательно, — прошипела она, вцепившись в подлокотник. — Если из-за твоей выходки сорвется сватовство, я из тебя чучело выкрою! Разорву на части и выкрою! Поняла?!

— Поняла.

— Гади́на. Гади́на!

— Тише, — в дверях появилась мать, она плотно прикрыла за собой, метнулась к окну и задернула шторы. Я напряглась.

— Она хочет Олиана от меня отвести! — с новой силой разъярилась Нойта.

— Помолчи. — велела ей мать, нервно одернула фартук и махнула на Нойту рукой, так и не отойдя от окна. — Куда ей с магами тягаться? Ни один её не возьмёт. А тем более Олиан Вальдис. Я тебе вот что покажу... Щас погодь, отец отъедет.

Снова потянула за занавесь и сунула нос к окну. Такое странное поведение было весьма на нее не похоже. Мы напряженно выждали пока отец выведет клячу с боковых ворот и с лязгом запрет их за собой.

- Где Луизка?

- За лекарем побежала. — с раздраженным нетерпением отвечала сестра.

Мать фыркнула и вновь трусливо глянула за занавесь, затем подошла ближе, порывшись в платье и извлекла... Монету! Золотую!

Мы обомлели.

Нойта втянула воздух сквозь зубы, глаза её расширились.

— Выронили лордики, — Мать старалась говорить небрежно, но мы видели, как белеют пальцы сжимающие металл.

— Боги, мама! — задохнулась Нойта. — Не может быть! Настоящий? На зуб попробуй!

Варн молча протянул руку, и мать вложила монету в его ладонь.

— А ты чего уставилась? — Нойта метнула в меня нервный взгляд. — А ну отвернись. В стену смотри!

Я опустила глаза и сжала руки в кулаки.

— Забудь о ней, Нойта, — ровно сказала мать. — И чтобы ни слова отцу!

Она обвела нас строгим взглядом.

— Я вам каждому что-нибудь да подберу.

Варн небрежно бросил монету на стол, но смотрел на неё, так же жадно и с тем же недоверием коим глядели на нее все остальные.

— Тебе, сынок, хорошего коня по весне, — губ матери коснулась редкая улыбка. — Луизу в Дирк отправим. А тебе, Нойта... Приданое, да пир горой.

Нойта вскочила, забыв про боль в ноге.

— Нет, мама, погодь. Преданное — преданным, но я ещё понравиться должна!

— Да понравишься ты! — отмахнулась мать. — Где ещё такую крепенькую видала? Яркую, как солнцем литую? Все уже знают, куда дело катится. Не бойсь.

— Дай ей сказать. — грубо потребовал Варн и ткнул пальцем в Нойту. — Чего хочешь? Сестра замялась.

— Раз уж на то пошло, — её голос вдруг стал осторожным, она нервно сглотнула, уселась вновь в кресло отца и облизала пересохшие губы. — Платье хочу. То что торговец из Селисия привез.

— Почём?

Отведя виноватый взгляд, Нойта уставилась на ногу, пошевелила ей и поморщилась от боли, вызывая к жалости.

— Семь да восемь.

Мать ахнула, а я сжалась так, будто это на меня сейчас обрушится всеобщее негодование. Хотя в любом случае мне этого не миновать, ведь я покалечила сестру и расправа не заставить себя долго ждать.

— Шарлатан! — Возмутилась мама, и грохнула кулаком по столу. — Шарлатан и подлец! Пусть не дурит головы юным девочкам. Кто ему столько металла отвалит?

— Это МОЁ преданное! — Нойта сжала кулаки. — Что хочу, то и делаю!

— Не сделаешь. — В голосе матери не было более ни капли эмоций.

— Совсем распустилась, — добавила она. Нойта сжалась, сгорбилась как поверженный тролль, шмыгнула носом, глядя прямо на монету.

И я смотрела на нее. Огромное, почти нереальное богатство для нас.

Она лежала на столе, такая маленькая, и в то же время способная изменить всё.

Варн посмотрел на мать, потом снова на золотой.

— Ты её разменяешь?

— Когда придёт время. У себя передержи, там спокойней.

Я вдруг поняла, что мне ничего не пообещали.

Ни преданного, ни коня, ни учёбы в Дирке. Это было не удивительно, но отчего-то кольнуло в душе.

Пламя в лампе дёрнулось.

Ветер ударил в ставни.

Монета всё так же лежала на столе, и золотые всполохи скользили по закопчённой стене, отражая всю ее значимость.

Глава 4 Дороже, чем моя жизнь

Тем вечером, за позднем ужином, было по-особенному тихо. Шёл снег, заглушая мир за его стеной, а за столом — что было особенно непривычно — говорил только отец. Как правило, он растворялся в семейном гаме и не встревал без особой необходимости, тем самым подчёркивая свой особый авторитет в семье.

На щербатом столе стояло блюдо, доверху наполненное жареными, жирными окунями в кляре; рядом — румяные пирожки с творогом, нарезанный сыр и пиво в высоком глиняном кувшине. Нойта злилась на мать, но уплетала за обе щёки, смачно облизывая маслянистые пальцы. Весь день она проплакала, ожидая лекаря из Шилейлы, а когда ей наконец перевязали ногу, поела и уснула.

Рыбу принёс Варн ещё вчера, когда с парнями ходил порыбачить, и был собой особо доволен. По понятным причинам, с самого утра он пребывал в приподнятом настроении и, когда уходил в лавку к отцу, напевал пресловутую песенку, от которой по спине пробегали мурашки. Мать уплелась к соседке, Луиза читала, а я до самого вечера колотила мясо, набивала колбасы, варила варенье в огромных котлах на улице, стоя по щиколотку в грязи. В доме этим не займёшься — не развернуться, да и вони сестры не выносят.

Ужин закончился, о деньгах объявлено не было.

Той ночью уснуть было трудно, хотя за день я так устала, что казалось, валилась с ног. Но меня не покидали мысли о будущем, не моём, конечно, — тут всё предreshено, — а о том, как скоро уедут брат и сёстры из дому и как далеко. Если Луизу и впрямь отправят в училище, а Нойта выйдет замуж за Олиана, они обе отправятся в Дирк. Останется только Варн с молодым здоровым конём и лавкой. Да... Из-за этой лавки он, скорее всего, останется в Кедровом, как и я.

Проснулась я рано, тело ломило от усталости, но тревожный, поверхностный сон не давал покоя, и я улизнула вниз, молясь, как бы не разбудить старуху.

— Подкинь-ка ещё дров, — раздалось из темноты.

На кухне, в отцовском кресле, сидела Нойта, укутанная до самого носа, с бледным лицом и опухшими глазами. Побоявшись тревожить ногу, сестра не стала подниматься к себе. Ноги ей нужны здоровые и крепкие, и как можно скорее — для грядущих плясок на свадьбе. Я сунула в печь ещё полено, и вскоре пошёл жар.

— Иди глянь, не оставила ли опять на пороге очередную пакость, — пробормотала сестра и, в ответ на моё молчание, смерила меня суровым взглядом. — Ты издеваешься надо мной? Иди, говорю!

Пришлось тащиться на холод — смотреть, не уронила ли я чего, пока спала на чердаке. День вчера был тёплый, снег подтаял и раскис, а ночью схватился морозом, и теперь во дворе бугрились скользкие ямы.

— Скажешь матери, что сегодня пойдёшь к пруду, — велела Нойта, когда я вернулась. — Тряпки мои отнеси, постирай. Свои тоже. Я высушу. Нечего вонять на весь дом — к нам люди придут.

Я увидела корзину, оставленную у двери, доверху набитую грязной одеждой, и еле сдержалась, чтобы не выдать разочарования.

— И помни, гадина, — Нойта нагнулась и прошипела: — ты моя должница.

За завтраком я сообщила о предстоящей стирке матери, и та ожидаемо не одобрила такой расклад.

— Никуда ты не пойдёшь.

— Мама! — возмутилась Нойта. — А на стол кто накрывать будет? Ты, что ли?! Тесто надобно поставить, стулья со двора снести, помыть. Дел неупрочот. Не строй мне сегодня

козни. Если тебе так печёт, то, когда явится суженый, она наверху посидит. Но домашнее всё надо закончить.

— Не надо! Мне срочно! Почему всегда так?! Я говорю — мне срочно, мама! Ты оглохла или как?! А! Ига! — резко закричала Нойта. — Подыми меня повыше! Пойдёшь к пруду, понятно?! Неси вещи! Варн, помоги ей!

Мать поражённо посмотрела на сына.

Варн?!

Никогда, ни разу в жизни Варн не помогал мне. И каково же было всеобщее удивление, когда брат медленно поднялся из-за стола и послушно отправился наверх. А я, сглотив ком страха, переглянула с матерью. Та закрыла глаза и только покачала головой. Пришлось следовать за братом.

В его комнате было темно, окна на зиму заколочены, и только лампа, оставленная у входа, освещала пространство. Я переступила порог — и услышала, как дверь захлопнулась за спиной.

Резко обернувшись, я подумала, что меня заперли. Но всё было гораздо хуже: брат стоял и с презрением глядел на меня.

Не знаю, ненавидела ли я его. Скорее, боялась до потери пульса, и он прекрасно знал об этом. Его это даже забавляло.

Он усмехнулся, шагнул ближе, а я непроизвольно дёрнулась назад, но, спохватившись, заставила себя стоять на месте. От него не убежать. Не спрятаться. Он поднял мою руку, развернул ладонь к свету — и на неё легла... золотая монета.

— Ты ведь и понятия не имеешь, сколько она стоит, — усмехнувшись, Варн наклонил голову набок. — Правда, пустышка?

Я имела. Сотню серебряных. Как дом в Шилейле: две комнатухи, огородик с жёлтыми цветами по периметру, качели на крючьях у крыльца...

Невозможно много. Непостижимо много.

Монета обжигала ладонь, и я боялась шевельнуться, чтобы не уронить её ненароком. Она пахла бочкой индийского вина, за которое в наших краях убивают. Веса столько же, сколько жирная корова, способная прокормить всю семью. Стоила, как мешок шафрана — красного, как кровь, лёгкого, как пепел, и ценного, как жизнь.

Глава 5 Грязное серебро

Поставив корзину с бельём за забор, я вынула монету и повертела её на солнце: на одной стороне чеканный профиль властителя, на обратной — дракон в кольце девиза.

Серебро и медь встречались гораздо чаще. Их чеканили в Арамии на монетном дворе правителя, а золотом занимался его личный помощник — оттого монеты, названные ругелиями, были настоящей редкостью в наших краях.

Деньги были из тех магических привилегий, которыми меня не баловали. Впрочем, подобное каралось законом, запрещающим «пустым» распоряжаться расчётной единицей. Конечно, подсознательно я понимала, что мне доверились только оттого, что дело рисковое. За непослушание мама неопишимо разозлится, и тогда не помешало бы дать ей отыграться на мне, ежели на Нойте. Тут как получается — и овцы целы, и волки сыты.

Ах! Плевать. Я была несказанно счастлива.

Мне уже выпадало однажды держать кошель своими руками, ненадолго: пока ждала, как Нойта подвяжет шнур на ботинке. А тут не какая-то горстка медяков — мне доверили настоящий клад!

К рынку в Шилейлу шла лёгкой походкой, сжимая монету в побелевших от напряжения пальцах. Путь недолгий, всего час, но это был самый счастливый час за прошедший год. Справа озеро продувало ледяным ветром, слева, за высоким деревянным забором, — шпиль гостевого двора Шилейлы. Выше по дорожке, часа четыре на коне, — Маковый Палаш, туда уехала жить Хельга, самая старшая наша сестра. Она вышла замуж, едва ей минуло шестнадцать, и сбежала из-под родительской опеки, как бывало бегут преступники из тюремной повозки в лес — без оглядки, сломя голову и, как только выпадет малейший шанс.

По привычке я зашла через боковой вход и выругала себя за это. Лавка купца из Силисии была расположена у самого въезда на рынок. Пришлось прогуляться. Дорожка была скользкой, протоптанной с утра: подтаявший снег смешался с грязью в бурую кашу. Я осторожно подняла подол, сетуя, что замарала поношенные ботинки.

Всюду открывались лавки. Из пекарской вышла старушка, вынесла горячий противень с духмяной сдобой и стала раскладывать булки на прилавок. Зелейница открыто торговала колбасами и лесным мёдом, не ожидая меня так рано после недавней поездки, а у овощника толпился народ. Но сегодня я шла не к нему. Сегодня особый день: с собой я не тащу тяжёлых корзин и мешков, сегодня я один на один с золотым.

Запах калёных грецких орехов, миндаля и каштана окружил меня и зачаровал минуты необъяснимого задора, от которого в груди словно была крылами оживлённая голубка.

Рынок оживал, а я зевала, разглядывая всё так, словно видела впервые.

Лавок было множество, но и то лишь из-за праздника. Пройдёт дней десять — и бродячие торговцы да коробейники отправятся в Силисий по главному тракту.

Я прошла дальше, ловко миновав торговку рыбой с бельмом на глазу, и добралась до главного входа на рынок. У продавца тканей было, как назло, людно. Лавку переполнял народ, живо трещали беззлобные споры и лёгкие препирательства на почве торгов.

— Эх, Далин! Да ты меня по мирупустишь такими ценами!

— Ошибочка, д... д... добрый магик, не я, а женушка твоя. П... п... посмотри на неё, ну разве не чудо она у тебя? Разве не стоит она твоего внимания и тряпки новой, чтобы глаза засверкали как раньше?

В ответ мужик хохотнул, соглашаясь с доводами бородатого торговца, и приблизил ткань к лицу.

— Почём тебе это тряпьё только? — фыркнул он, глянув на Далина и качая головой. — Всё равно никто не возьмёт. Вот же пятна, а вот и дырища.

— Не шути, дружок, какие п... п... пятна? Какие д... д... дыры? Это же колдовские ткани, таких и не отыщешь у Золотого леса! — Далин взволнованно махал короткими руками, подхватил кафтан и стал переворачивать на обозрение. — Всё из Арамии, всё новёхонькое, заклинание свеженькое, вышивка бережная. Ну глянь. Повыше п... п... подыми, смотри сквозь неё на солнце. Ни одного изъяна...

Толпа зло захохотала: видимо, утро у продавца из Силисии пока не клеилось, и покупатели только и делали, что глумились, а брать толком ничего не брали. Я неуверенно подошла ближе.

— Эй ты! Кыш отседова! — слышался возмущённый возглас.

Посмотрев в сторону, я заметила пузатого корчмаря, идущего под руку с супругой прямо к продавцу тканей.

— Всех ворон стянуло, — поцокал языком другой покупатель в бобровой шапке и бросил на прилавок то полотно, которое минуту назад так вожаденно осматривал.

— Пошла отсюда, что говорят?! — кинулся на меня Далин, воровато оглядываясь на покупателей.

— Я к вам за платьем, — твёрдо сообщила я.

— К... к... каким ещё за платьем? Ничего тут не т... т... трогай!

Я сглотнула обиду и быстро протараторила:

— Для сестры, не для меня! То розовое, что вы нам показывали.

— Ничего такого не было! — покосился он на корчмаря, боясь, что его заподозрят в недобром. — Да и тем паче что тебе таких д... д... денюжниц в жизни бы не доверили!

Я показала золотой, сверкнув солнечным лучом по его бородатой физиономии.

Торговец ахнул.

— Я вправе изъять его у тебя, пустышка!

От его слов во рту пересохло. Я испуганно отпрянула.

— Нет, не вправе, — подал голос незнакомец, стоявший рядом со мной, и чуть мягче добавил: — Ты вправе не продать.

Лицо паренька закрывала тряпица, так что видны были только глаза цвета загорелых одуванчиков.

— Проваливай, посмешище, — махнул на меня рукой дядька в бобровой шапке. — Не продадут здесь тебе ни шишки, ни желудя! А ты не вступай, иди куда шёл.

Люди вокруг рассмеялись. Я нервно укусила щёку изнутри, стараясь не паниковать.

— Обворовала, небось, кого? Смотри, чтоб я стражу не свистнул!

Стража в виде одного ленивого толстяка мирно посапывала на скамье у ворот неподалёку, второй, высокий и худой, гонял босоногую детвору чуть дальше — у жилых домов.

— Подойди, — велел мне парень и протянул ладонь.

От приказного тона я сделала пару шагов в его сторону, но монетку не отдала: парень вырвал её из моей руки силой.

— Мне продашь, — незнакомец с вызовом приподнял густые брови и протянул золотой продавцу.

— Смотри-ка, защитник нашёлся, — протянул дядька в шапке.

— А ты у нас кто вообще такой? — свысока поинтересовался купец.

Парень усмехнулся. Лёгким движением руки распахнул полы плаща перед народом, и я увидела, как лицо купца стало мертвенно-серым. Толпа расступилась, переглядываясь, а у меня похолодело в животе: что он только что показал? Медальон? Метку? Кто он такой? И спросить не у кого.

— Сколько? — спросил он жёстко.

— В... восемь, да семь.

— Было семь, да восемь, — испуганно встряла я.

— Сдачу с семи, — потребовал парень и протянул продавцу мою монету. — Живей.

Далин скукислся, но монету охотно прибрал и, развернувшись на каблуках, ушёл вглубь лавки. Там он достал сундук, а из него — тот самый свёрток, который не мешкая развернул и горделиво показал нам: бледно-розовое платье во всю длину.

— Нойта, что ль, замуж собралась? — расхохоталась, отчего-то недовольная этим событием, жена корчмаря. — За Ольку нашего, небось? — Та не... скорей Луизка, чем эта... — пробурчал дядька-сосед из Кедрового, насупленно наблюдая, как продавец быстро сворачивает платье.

Жена корчмаря ждала ответа, и я неопределённо пожала плечами. Олиан в здешних местах в огромном почёте. А у женского населения в наибольшем. Если не ошибаюсь, корчмаря эта дама лично одарила пятью дочерьми, которых теперь не прочь отвести от отчих харчей.

Конечно, Вальдис семь лет в Дирке обучается, за такое ему хорошую должность сулят, зарплату высокую и жильё в Селисии. Да, на одну его стипендию в наших краях можно жить припеваючи.

Продавец тем временем аккуратно перемотал платье грубой мешковиной. Незнакомец, нетерпеливо стуча сапогом о деревянный пол, стал считать переданную ему сдачу. — Всё как положено. Девяносто два и два. — Девяносто три серебряных, а с медными сам решай, — гаркнул парень. — Три так три! — надулся продавец и достал ещё одну серебряную монету из зачарованного неподъёмного сундучка.

Паренёк передал мне деньги, и я немедленно насыпала их в кожаный мешочек, выданный братом этим утром, завязала его дрожащими от напряжения и холода пальцами и забрала конверт с платьем. — Спасибо, — выдавила я из себя растерянно и направилась к выходу.

На рынок заходили люди, торговка рыбой громогласно подзывала покупателей, а у меня внутри всё пело. И паренёк симпатичным показался: высокий, хорошо сложенный, в престранной, но дорогушей одежде.

Какой он был...

Шагнув прочь, я почувствовала, как нога зацепилась за некое препятствие, взмахнула руками для противовесия — и в следующее мгновение полетела вниз. Я упала прямо в грязь! Перепугано барахталась ногами и руками, прижимая свёрток к телу и моля богов, чтобы его не задело моё падение. Нога запуталась, я беспомощно отталкивалась, упершись в ткань плаща. Тот натянулся на горле, вынуждая запрокинуть голову. Кошель отвязался, упал рядом, и монеты рассыпались по земле, сверкая на солнце.

Послышался смех. Пронзительный, режущий слух, безжалостный смех мужика в бобровой шапке. Кто-то хлопнул в ладоши. Далин?! И пока я отвязывала одной рукой плащ, чтобы встать, вдруг увидела, как босые пятки мелькают вокруг. Созванные к пиру мальчишки стали нарасхват подбирать монетки, и мой кошель исчез в первую очередь. Я еле как приподнялась, сгребла серебряный рядом вместе с куском грязи, а остальные со скоростью выпущенной стрелы растасовали по карманам оборванцы. Они уже удирали, сжимая мои деньги, когда я наконец поднялась.

Я до крови закусил губу, вертя головой. Смех не стихал, по шее стекали холодные капли. Я смотрела на платье в полном ужасе от происходящего. Мои тщетные попытки прижать свёрток как можно крепче к груди не спасли его. Грязь пропитала его насквозь.

— Шуруй, пустышка, по добру-по з... з... здоровью, — посоветовал мне Далин.

— Вот видишь, дружок, — произнёс мужик в бобровой шапке, — почему мы с такими дела не имеем.

— Какой я тебе дружок?

— Остынь, парень.

Я отвернулась, но так и осталась стоять в сторонке, переживая душашщее чувство паники и горя.

Рынок наполнялся народом: шли повозки, скот, покупатели. Они не обращали на меня никакого внимания. И никто из них не замечал того протянутого толстого каната поперёк рынка, о который я оступилась. Они проходили сквозь него.

Ярость, внезапно наполнившая меня, подавила всепоглощающую панику. Канат был зачарован. Его видела и чувствовала только я! Схватившись за него, я рванула что было сил, выдирая вместе с ним и жёлоб, к которому он был привязан, и, отбросив его с дороги, еле сдерживала слёзы.

— Совсем рехнулась, — бросил некто.

Моя ярость быстро растворилась, разум молниеносной вспышкой напомнил, кто я на самом деле и что меня теперь ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.